

Василий Иванович Немирович- Данченко

Нина

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Нина**

Когда оказия приблизилась на сто шагов, тяжело скрипя на громадных петлях, растворились ворота Самурского укрепления. Брызгалову страстно захотелось перебежать это пространство и прижать к сердцу дочь, которую он девять лет уже не видал, но старый служака вовремя вспомнил «артикул», повелевавший коменданту никогда и ни под каким видом не оставлять укрепления. Он ждал в воротах. Нина зорко смотрела туда, но в их тени ничего не было видно... Какие-то серые фигуры караульных солдат, их папахи, и только; даже лиц нельзя было рассмотреть. Хотя оказию и заметили, но командовавший ею офицер, имея в виду всё ту же Нину, приказал сделать выстрел из орудия. Глуша всё кругом, ахнула его медная грудь. Вздогнули и застонали на каменных стержнях окрестные утёсы, зловещим гулом удар прокатился по всем ущельям и замер в их таинственной синеве. Оказия двинулась ещё, и с парапета главной башни ответным приветом прокатился по всей Самурской долине второй выстрел. Караул вышел и выстроился у ворот...

— А батюшки нет? — тревожно спросила

Нина, обращаясь к Незамай-Кóзелу, как он уже теперь перекрестил себя.

— Нет-с, они внутре-с.

— Как?

— Внутре-с, Потому что по долгу службы они не должны-с поддаваться непреоборимому движению жаждущего сердца. Они спервоначалу примут рапорт от капитана Свистунова, поздороваются с солдатами, а потом уже обратятся к исполнению сладчайших обязанностей.

— Я этого не знала.

— Где же вам. У вас этому не учили, — нежно проговорил он и вдруг наклонился к тарантасу. — Нина Степановна!..

— Чего вам?

— Вы неприлично поняли мою фамилию.

— Как неприлично?

— Не Козёл, а Кóзел — Незамай-Кóзел. Так у нас и по документам значилось, да негодяи-писаря ударение перепутали, и вышла неприличность... Но я всегда могу восстано-вить.

Кнаус в это время вздумал было поправить свою пострадавшую репутацию и из хвоста

колонны вынесся вперёд, гарцуя на кабардинке, но увы, не мог остановиться в воротах. Конь знал, какая рука управляет им и, почуяв впереди прелесть покоя в крепостной конюшне, выкинул две лансады передом и задом, так что несчастный потомок тевтонских рыцарей потерял папаху и с отчаянием утопающего схватился за луку, припав к шее лошади, как к лучшему другу. Конь не оценил этого и, бешено вскочив в ворота, проскакал до конюшен и остановился, тяжело храпя и нервно поводя тонкими ноздрями... Нина в это время не выдержала. Она выскочила из коляски и бросилась вперёд.

— Где отец, где батюшка?

Брызгалов. и тут себя не выдал. Глаза его были полны слёз, грудь подымалась порывисто, но он сдержался, выждал командира оказии и принял его рапорт.

— Всё ли благополучно?

— Всё, г-н комендант.

— Не было ни больных, ни нападений на пути?

— Никак нет-с, г-н майор.

— Здорово, ребята!

— Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

Брызгалов обошёл фронт, зорко осматривая солдат.

— Здорово, казаки!

— Здравия желаем, ваше высокоблагородие!

— Ну, добро пожаловать! Отдохните, почиститесь, а завтра назад с Богом...

Только теперь он вдруг обернулся к Нине, смотревшей на него широко открытыми глазами.

— Батюшка, неужели это вы?.. Седой какой!..

И она замерла в сильных руках старого майора.

Тот всмотрелся в её глаза...

— Совсем мамины!.. — и зарыдал, уже забывая, что около стоят чужие.

Кавказские солдаты того времени, впрочем, жили душа в душу со своими командирами. По многим лицам из них тоже катились слёзы. И они ещё грознее хмурили брови, чтобы не выдать волнения. Тем не менее все глаза были устремлены на девушку. Некоторые

здесь знали её мать и думали, недвижно стоя в строю, такая же ли будет для них добрая и ласковая эта красавица-девушка. Нина только теперь сообразила, что она не поцеловала отцу руки, и порывисто сделала это. Старый воин, одичавший в Самурском укреплении, отдёргнул было руку и сконфуженно проговорил:

— Что ты, что ты!.. — и потом, опять пристально всмотрясь в неё, прибавил. — Совсем, совсем такая, как мать!..

Его любящему сердцу покойница казалась лучше и прекраснее всех женщин на свете.

— Если и душа у тебя такая!..

И он, не кончив, обернулся к офицерам и официально проговорил:

— Господа офицеры, прошу ко мне закусь, чем Бог послал, и юнкеров тоже.

Только у себя дома он горячо пожал руку Свистунову и поблагодарил его за заботливость о его дочери во время четырёхдневного пути.

— Помилуйте, Степан Фёдорович, да такой приятной оказии у меня ещё до сих пор не было.

Нина быстро привела себя в порядок, и не успели ещё офицеры снять с себя шашек и отряхнуться, как девушка вышла к ним. В то же время и денщик Тарас показался в других дверях.

— Чего тебе? — спросил его Брызгалов.

— Солдаты тут, у порога...

— Ну?..

— Покорнейше просят её высокоблагородие.

Брызгалов вышел, но тотчас же явился сияющий.

— Нина, выйди-ка.

Девушка выбежала на крыльцо... Старые седые усачи, не ожидая её приветов, гаркнули ей:

— Здравия желаем, ваше благородие!

Потом один за всех:

— С вашей матушкой-покойницей, — царствие ей небесное! — душа в душу жили. Мать была, а не командирша. Из всяких бед вызволяла... Не погнушайтесь.

И он подал ей громадный букет полевых цветов, с опасностью жизни набранных солдатами. Девушка, желая скрыть волнение и

слёзы, спрятала в нём лицо. Цветы ещё были опрысканы росой и освежили её. Она осматривала их. Какая прелесть! Нина даже не нашла, любуясь ими, что сказать молодцам солдатам, не сводившим с неё умилённых глаз.

— Благодарю, благодарю вас... Не знаю, чем я заслужила... Я постараюсь... — лепетала она, и Брызгалов, глядя на неё со стороны, не приходил к ней на помощь. Ему было так приятно видеть это смущение дочери, эти нерешительно глядевшие глаза её и вздрогнувший от внутреннего волнения рот.

— Совсем мать! Вылитая! — И ему опять захотелось плакать, но в это время позади солдат послышалось:

— Пусти, чего ты! Пусти, Федорчук! Тебе говорят, рябая твоя морда!..

И продиравшийся вперёд вдруг замер, увидя начальство на крыльце.

— Чего ты? — спросил его Брызгалов.

Тот только моргал, сорвав с себя папаху.

— Чего ты?..

— Он, ваше высокоблагородие, — засмеялся, стоявший около георгиевский кавалер, — козла Ваську пожелал представить.

— Ну, давай его!.. Где он?

Солдаты расступились. Козёл, важно потряхивая бородой, подошёл к Нине.

— Чего же ты? Командуй! — приказал оторопевшему солдату тот же усач.

— Васька, генерал идёт!

Васька с тем же непоколебимо серьёзным выражением встал на задние ноги и замотал передними...

Нина расхохоталась.

— Васька, черкесы!..

Козёл моментально обернулся, голову вниз, рога вперёд и неистово кинулся в ворота. К сожалению, как раз в это время входил в них оборванец в старой солдатской шинели с целым грузом чего-то на плечах. Васька, не рассчитав, так его ткнул, что бедняга вверх ногами полетел назад и, вскочив, хотел было распорядиться с Ваською по-своему, да заметил начальство, отряхнулся и пошёл уже прямо к крыльцу.

— А, Левченко!.. Ну, как охотился?..

— С приездом! — прохрипел тот и свалил к ногам Нины целую грудку набитой им дичи. — Будьте здоровы!

— Тарас! — крикнул Брызгалов.

Тот уже знал, в чём дело. Он вышел с графином водки и стаканом.

— Ну, Нина, угощай нашего Немврода, великого ловца перед Господом!..

Девушка, краснея, налила. Левченко покосился на стакан и недовольно сморщился.

— Чего ты?

— Неполная, ваше выскоблагородие!

Степан Фёдорович сам ему долил, тот выпил и щёлкнул языком.

— «Командирская»! — одобрительно обернулся он к товарищам.

— Братцы, позовите-ка артельного. Двух баранов вам на радостях и водки бочонок. Только смотрите у меня, чтобы пьяных ни-ни! В крепости не полагается.

— Покорнейше благодарим, ваше высокоблагородие!.. — гаркнули повеселевшие солдаты.

— Старики! Смотреть за молодёжью чтобы всё было в порядке! На, Левченко, тебе за дичь! — И он протянул ему серебряный целковый.

Левченко был одним из тех типов, кото-

рые под влиянием кавказской горной войны не казались редкостью на линии. Он не мог усидеть дома, и однообразная крепостная жизнь его томила да одури. Он брал ружьё и уходил на охоту. Его сначала наказывали, потом привыкли к его отлучкам. Впоследствии он оказался даже полезным, потому что избородил окрестные леса и чащи, изучил их, каждую звериную тропу знал наизусть. Он не заблудился бы в хаосе скал, и по ему одному ведомым приметам, выбирался отовсюду на дорогу. В душах у таких крепостных охотников бились неиссякаемые родники поэзии. Они проводили целые недели одиноко, под открытым небом, по ночам чуть не натыкались на лезгинские партии, иногда до утра таясь по соседству с ними. Ни ливни, ни грозы, со страшною силою бушевавшие в тёмных ущельях, не пугали их. Притомившись, они с массою дичи возвращались в крепость, отсыпались и опять уходили вон. Иногда целые дни такой Левченко лежал в лесу, глядя сквозь переплёт его вершин в небо, и слушал, как просыпавшийся ветерок заводил беседу с недвижимыми до тех пор листьями, как внезап-

но взбудораживались и перекликались птицы... Солнце закатывалось. Огнистое сияние его мерцало на верхушках старых деревьев; в глубину ущелий, открывавшихся устьями к закату, алою рекою вливалось его пламя. В ближайших аулах слышались меланхолические призывы к намазу с каменных минаретов. А Левченко не хотел подыматься и прислушивался, точно во всей природе на его глазах сейчас разрешалась какая-то великая, страшная тайна... Тянуло к ночи холодком, освежавшим его обветренное и обугленное лицо, и Левченко вставал и шёл, куда глаза глядят... Ему случалось часто попадать за аулы в горные узлы, вокруг облепленные их гнёздами, но кавказец нисколько не смущался. Зажгутся там вечерние огни, — он соображает: «Трапезуют теперь азиаты, поди, свой хинкал лопают»; потухнет, — «Ишь, спать орда повалилась»; наступит ночь, залают всюду собаки, завоют внизу в ущельях чекалки, — ему нисколько не страшно. Вся даль и глубь таинственного края открыта ему, точно так и следует ему шляться по заповедным дебрям... Таким Немвродам, как Левченко, случалось

даже делать невозможное. Ни один лезгин не решался быть кунаком русских, приводилось встречаться с одинокими горцами, — они, Бог знает как, дружились: жили вместе целыми днями и расходились, не питая друг против друга злокозненных намерений; разговаривали они на своеобразном языке, коверкая одинаково и русский, и татарский.

— Якши бол, бояр, якши айда! — орал бессмыслицу лезгин, похлопывая Левченко по плечу.

Тот, разумеется, не оставался в долгу.

— Сагол! Аллах — сахласын твоя марушка да баранчук якши бол.

И он был вполне убеждён, что по-ихнему это значит: «желаю от Бога здоровья твоей жене и детям», а все лезгины, в свою очередь, думали, что марушка [1] и баранчук [2] — чисто по-русски.

Когда Нина вернулась в комнаты, Брызгалов уже счёл должным официально представить ей своих офицеров.

— Штабс-капитан Незамай-Козёл.

— Кóзел! — поправил тот.

— Ну, вот! — с неудовольствием перебил

Степан Фёдорович. — Что это ты, братец? До сих пор Козлом бы...

— По ошибке писаря, ей-Богу-с, Степан Фёдорович.

— Прапорщик Роговой.

Роговой элегантно подошёл к ручке и приобрёл в Козле или Кóзле смертельного врага.

— Прапорщик Кнаус, из ревельских лезгинов!..

Тот уже почистился и сиял во всём великолепии.

— Всё молодцы-ребята! Узнаешь их, — полюбишь. А они тебя уже и теперь любят. Ну, зови гостей к столу, молодая хозяйка.

И он опять вспомнил покойницу и смахнул с глаз слезу.

— Да, а юнкеров я тебе не представил.

— Князь Раменцов и Хаби Мехтулин Агаларов... Бравые ребята, только часто слишком у меня на гауптвахте сидят. Ну, теперь, господа, чем Бог послал; к обеду мы велим дичь изжарить.

Первое время здесь Нина никак не могла дать себе отчёта — весело ей или скучно. Старая крепость жила своею жизнью, своим буд-

ничным обиходом. Так же медлительно казался у её серых стен разбившийся на рукава светло-водный Самур, так же золотыми сетями на его песчаном дне играло солнце, так же величаво и сумрачно вокруг теснились вершины Кавказа и синели ущелья, залегавшие отсюда в самую заповедную глубь грозного Дагестана... Всё, о чём читала у себя в институте Нина, всё въявь теперь перед нею. Вон там за теми скалами прячутся «рыцари гор», а по толкованию её отца — попросту разбойники. О, как бы она желала повидать хоть одного из них! Потому что те оборвыши, которые приезжали к базарным дням в крепость, вовсе не соответствовали гордому демоническому идеалу «Аммалат-бека», о котором изредка в бессонные ночи она думала в холодном и далёком Петербурге... Вместе с оказией, доставившей её в Самурское укрепление, Нина получила много книг, выписанных её отцом для того, чтобы она могла коротать с ними долгие крепостные досуги. Книги того времени тоже говорили о сказочных героях и дивных богатырях, казалось, воскресивших в трущобах Дагестана легендарные средние ве-

ка с их романтическими паладинами. И это всё там, всё там! — вперяла она часто взгляд в синий сумрак теснин, загромоздивших перед нею дали. — Когда солнце заходило за горы, и подоблачные аулы загорались розовым светом, — она задумчиво смотрела туда и по своим книгам рисовала себе дикую и поэтическую жизнь лезгин, гнездившихся наравне с орлами... Раза два или три за одним из рукавов Самура показывались всадники на золотистых конях... Нина кидалась к парапету зорко глядеть туда, но ещё ранее, чем она успевала рассмотреть их бурки, ружья в мохнатых чехлах за плечами, гордо взбитые на затылок папахи, — часовые давали сигнал, и отец её, являясь на башне, командовал:

— А ну-ка, пугните мне этих негодяев! Ишь, как изнахальничались. Скоро под самую крепость станут подъезжать!

Седой с громадными усами артиллерист наводил «орудию» и, тяжело прорезывая сонный воздух, летело туда ядро, взрывая облачко пыли и мелкого камня у самой шайки... Конечно, лезгины рассыпались во все стороны, для очистки совести стреляли оттуда в

крепость, и затем опять долго, долго и скучно тянулась обычная действительность... С книгою Нина повадилась было уходить за крепость. Над Самуром был тут холмик, где благоухали розы, какие-то совсем неизвестные ей цветы осыпали кусты своими кистями. А вверху громадный каштан, точно осенял густыми благословляющими ветвями. Нине здесь солдаты устроили скамью, и она часами сидела одна, читая, слушая воду или пение невидимой птички в чаще дерева. Нина старалась разглядеть туманные силуэты гор за нею, эту венчанную вершиною, — и опять обращалась к страницам «Библиотеки для Чтения». В письмах к своим подругам она подробно обрисовывала это «*ma solitude*» [3] такими красками, что потом ещё вдвое любила свой пустынный уголок. Но, увы, скоро и от этого пришлось отказаться. Раз как-то она декламировала здесь «Хаджи-Абрека» и «Измаила-Бея», как вдруг в чаще каштана что-то шелохнулось — большое, крупное. Нина с сильно бьющимся сердцем кинулась прочь, и ей почудилось смутное, тёмное... Она неистово крикнула и побежала с холма вниз. Вслед

за ней что-то грузное свалилось с каштана и, раздвигая кусты и прячась за ними, следовало не отставая... Нину всю охватил страх, слепой страх. Она не оглядывалась. Она не знала даже, что бежит за нею, но продолжала кричать... Часовые на башне всполошились и, когда девушка выскочила на открытое пространство, заметили рыжую папаху и какого-то оборванца в лохмотьях бурой чухи, торопившегося за Ниной. Позади мелькала другая папаха... Очевидно их было двое. Часовой приложился, подождал... Оборванец уже настигал девушку, заорал даже что гортанное и хриплое, но торжествующее и смелое другому, папаху которого тоже уже вся выдвинулась наружу.

— Смирнов! — позвал часовой, — возьми-ка ты того, а я этого.

Ещё мгновение, и два выстрела слились, будя заснувшие ущелья и долины.

Оборванец, бывший почти у самых ног Нины, как-то нелепо взмахнул руками и покатылся по песку. Нина живо добежала до ворот. Другой лезгин хотел было, по горскому обычаю, выручить тело товарища и кинулся

к нему, но Смирнов, зная местный адат, уже приготовился и метким ударом уложил его рядом. Тревога поднялась в крепости... Солдаты врассыпную кинулись на холм, обшарили там все кусты, но никого больше не нашли. Только двое этих хищников и было. Одного, убитого наповал, и другого, умирающего, внесли в крепость и положили в тень чинары, на её площади. Нина, замирая, смотрела им в лица. Грозные взгляды их из-под полусмежившихся век, казалось, ещё следовали за нею. Бешметы их были расстёгнуты, и сильные загорелые волосатые груди, ещё дышащая у одного и недвижимая у другого, как старая бронза, блестели под солнцем. Пришёл врач, посмотрел раненого...

— Дайте ему пить! Тут мне делать нечего.

— А вылечить нельзя будет? — спросила Нина.

— Нет! Какое вылечить! Через час готов!.. Ну, барышня, счастлив ваш Бог!.. Они бы вас живо скрутили и в горы...

— Зачем я ему?

— Как зачем? А выкуп?..

— Ну вот!..

Брызгалов, встревоженный и испуганный, отдал приказание впредь не пускать Нину за крепость...

Финала этого приключения пришлось ждать недолго. Утром на другой день к воротам крепости подошла целая процессия. Впереди шёл такой же, как и убитые, оборванный лезгин с палкой, на которой болтался белый лоскут. За парламентёром брели две старухи, старик, трое вооружённых молодых людей с лошадьми в поводу и медленно, и важно ехал верхом кадий аула, из которого были убитые хищники. Кадия впустили в крепость. Длинный и сутуловатый старик с окрашенной в красное бородой, шёл, кутаясь в неизменный, накинутый на плечо тулуп. Чудовищно длинный воротник этого тулупа украшен был тремя хвостами и длинными, волочившимися до полу рукавами, такими узкими, что ничья даже детская рука не могла бы влезть в них. Поверх шубы для важности была на него накинута на одно плечо бурка. Кадий важно приблизился к Брызгалову и что-то забормотал ему по-аварски. Вызвали переводчика.

Кадий, как и подобало столь солидной персоне, сел и даже глаза закрыл от сознания своего величия.

Нукер его за ним подал ему кальян. Он выпустил два-три клуба синеватого дыма и обратился к переводчику:

— Ты грузин?

Тот щёлкнул языком — знак, выражавший отрицание.

— Армянин?

То же самое.

— Урус? Алла, Алла! Бэла урус гёрмадым.[4]

— Ты спроси у этого мерзавца, зачем он явился сюда? — приказал нетерпеливо Брызгалов, впрочем, уже догадывавшийся о том, что того привело в крепость.

Кадий издалека начал рассказывать, что народ у них в аулах — дурак-народ. Что народ, как бараны, куда его толкнут, туда и идёт, что кадии, вообще, очень хороши, все хороши, а народ — дрянь!.. народ пхе! И он даже сплюнул в сторону от негодования. Что русские, если захотят, то одним дуновением уничтожат всех горцев, и, сложив пальцы вместе, он поднёс их ко рту и дунул. Стоит

только князь Аргуту [5] или аниралу Лазаруф [6] показать свои папахи, — и все эти «мурид-яман» живо разбегутся перед ними...

Он долго бы ещё разглагольствовал, если бы Брызгалов не крикнул:

— Ты не втирай очков в глаза, — и уже татарски резко проговорил, — говори, что тебе нужно, или убирайся вон.

Кадий возвёл очи к небесам, как бы призывая их в свидетели того, что нельзя же так вести переговоры без политики и тонких горских дипломатических приёмов. Но когда переводчик ему прибавил, что его немедленно выпроводят вон, кадий помянул Аллаха и, сославшись на «кысмет» [7], объявил кратко, что за двумя разбойниками, уже поплатившимися смертью, явились отец одного и мать и братья другого; что он, кадий, просит тела их отдать родным для погребения; что со своей стороны он очень сожалеет о случившемся, но он, кадий, уже сказал, что их народ вообще дрянной народ, и что только кадии хорошие люди. К этому он мечтательно прибавил, что если его, кадия, угостят русским чаем, то он ничего против этого не имеет.

Кадия Брызгалов, верный горским обычаям, пригласил в комнаты, а тела двух убитых лезгин приказал выдать их родным. Те с плачем и воплями подняли их, завернули, почти запеленали в кошме и завязали кошмы верёвками, так что те, как брёвна, уже не могли разогнуться. Приторочив их к коням, родные уехали в горы. Кадю предложили чаю, он выпил и, икнув, объявил, что он слышал, будто у русских есть такой чай, от которого голова кружится, сердце бьётся приятно, и вообще приходят хорошие мысли порядочным людям.

Ему дали рому. Он, не теряя важности, выпил его и ещё попросил. Дали ещё. Он опять потребовал прибавки, тогда, ему объявили, чтобы он убирался вон...

— Нет ли у тебя, девушка, старых лент для моих жён? — стал он клянчить у Нины.

Та дала.

— А старых платьев?.. А каких-нибудь вещей?..

Наконец, кадия прогнали. Он, объявив всем, что Аллах — Экбер и что «киназ Аргут» «чох яхши», а «мюрид — яман», взобрался на

коня и выехал из крепости. Удалившись от нас на расстояние ружейного выстрела, он энергично плюнул в сторону русских и воскликнул:

— Да убьёт вас всех Магомет единым мановением бровей своих!.. Ты видел, как меня угощали там? — обернулся он к слуге.

— Да, господин...

— Комендант целовал мне руки, просил не кидать стыда на его седую голову и не уезжать так скоро, но я заставил его хорошо наесться грязи... Я ему сказал, что если бы даже князь Аргут, — да проклянёт его Аллах, — что если бы даже князь Аргут стал на колени и просил провести ночь у неверных собак, то — и ему бы я наплевал в бороду. Расскажи об этом в ауле. Пускай наши знают, как русские боятся и уважают меня.

Мечтательная, как все девушки того времени, Нина любила проводить лунные ночи у окна. Изредка крики: «слушай!» с одной башни на другую ещё более оттеняли торжественную тишину. Воспоминания ей рисовали далёкие, — увы! какие далёкие! — теперь залитые светом залы Зимнего дворца, куда их

возили к Императрице из института. Кавалергарды, конногвардейцы у дверей, недвижимые как изваяния, залитая в золото знать и ласковая улыбка Царицы, её мягкая рука, так нежно, матерински касавшаяся детских головок... А вдали весь точно написанный туманными штрихами сам Государь — такой величавый, красивый, с такими строгими глазами и с таким добрым выражением на лице, когда он видел их, «своих девочек» и говорил с ними... Шумный Петербург, крутом волнующийся, как море, эти тысячи лиц, сливающихся в один фон, тысячи голосов, и опять светлым пятном выступают яркая зала театра, чудное пение заморских артистов, из далёкого тёплого края залетевших сюда... А балы... Балы, когда они, институтки, отдавались веселью без конца, когда ею, окутанною в белый газ, с таким неудержимым увлечением любовались все! Эти звуки любимых танцев, звуки оркестра, словно тающие в нагретой и благоуханной атмосфере больших зал... И вдруг опять: «слушай!» унылое и однообразное, блеск луны над одинокой крепостью, шелест пробудившейся и словно о чём-то печально

вздохнувшей чинары, и всё те же горные вершины, казавшиеся ещё легче и воздушнее в эту тёплую, ясную ночь...

Для солдат она сделалась, как и её мать, ангелом-хранителем. Строгий по службе отец её невольно смягчался, когда она, подойдя, клала на его руку свою и уводила его в комнаты комендантского домика... Гауптвахта пустовала, и старые войны, встречаясь с нею, радостно улыбались ей и заводили с Ниною разговоры обо всех маленьких печалях и огорчениях. В домашний обиход она тоже внесла заботливость своей матери. Она так быстро усвоила себе всю небольшую хозяйственную мудрость, что скоро нельзя было узнать уголка, где Степан Фёдорович до сих пор одиноко коротал век... По вечерам у него собирались офицеры и юнкера, играли по маленькой, а в промежутках слушали пение Нины, хорошо исполнявшей весь крохотный репертуар того времени, вроде романса:

*«Скажите мне, зачем пылают
розы
Эфирною душою по весне,
И мотыльки на утренние слёзы*

Брызгалов уже думал о переводе куда-нибудь — для дочки больше — хорошо понимая, что не в Самурском же укреплении ей скоротать век!.. Но в это время случилось нечто совсем неожиданное...

Однажды утром, на рассвете, прискакал к воротам крепости казак. Его на пути даже царапнула случайно лезгинская пуля, но в те времена на такие пустяки никто не обращал внимания.

— Доложи коменданту: с экстренной ленточкой.

Брызгалов поднялся и вышел на крыльцо.

— Вашему высокоблагородию от генерала...

Комендант распечатал...

Его уведомили, что по дошедшим на линию сведениям лезгины опять поднимаются. Намерения их неизвестны, но в горных аулах уже объявлен газават, и известный кабардинский разбойник князь Хатхуа двинулся из Салтинского аула со скопищем мюридов и джигитов. Так как с линии прислать никого

нельзя, то майору Брызгалову рекомендовалось зорко следить за окрестностями, держать ближайшие аулы в покорности и приготовиться на всякий случай к защите и отражению разбойничьих горских шаек и озаботиться заготовкой провианта...

Брызгалов прочёл и усмехнулся.

— Это с двумя ротами с половинным числом штыков держать окрестные аулы в покорности!? Ах, шутники, шутники!

Недавно совершилась знаменитая поездка светлейшего князя Чернышёва. Объехав Дагестан, он в 1842 году запретил все наступательные действия и снял значительное число войск с линии. Прислать на помощь, действительно, ничего и никого нельзя было. Чернышёв, судивший о войне и о горцах с точки зрения петербургских канцелярий, думал победить твердыни Кавказа кротостью и торговлей и чуть не погубил всего русского дела там. Слабые профилями, не обеспеченные водою и провиантом крепости приходили в упадок, гарнизоны их были доведены до минимума, так что, когда, например, Шамиль 27 августа 1843 г. напал с 10.000 отчаянных мюридов

на небольшой форт Ундкул, против него защищалось только 140 штыков. Положение Брызгалова было не лучше... У него на лицо было двести пятьдесят солдат и полсотни казаков при четырёх горных орудиях. Он послал за провиантом, но в Дербенте такового не оказалось. Он хотел было туда отправить на начинающееся смутное время дочь с её горничной, но накануне посланная оказия вернулась назад. Комендант встретил её у ворот.

— Что случилось?

— Поздно!..

— Почему?..

— Между Самурским укреплением и Шах-Дагом везде бродят скопища лезгин.

— Надо было пробиться.

— Нельзя-с. У меня и без того убили четырёх и пятерых ранили! — доложил офицер.

И, действительно, всмотревшись, Брызгалов заметил, что из-под брезента торчат ноги убитых солдат. У троих раненых были руки на перевязи... Двух пырнули в грудь и голову, и их везли тоже.

Встревоженный вернулся Брызгалов до-

мой... Печально взглянул он на дочь...

— Голубка Нина!.. Не вовремя я тебя вызвал сюда. Горцы шалить начали. Это бы ещё ничего. Хуже всего, что во главе их кабардинский князь Хатхуа... Этот один стоит всего их газавата.

— А это кто, Хатхуа?

— Был он в плену в Дербенте... Отчаянный храбрец... Такой смелости ни у одного лезгинского абрека нет... Он один с восемью казаками рубился. Едва его захватили. А потом, только что оправился от ран, — убил часового, украл коня у генерала Клоки-фон-Клюгена и под огнём целой роты ушёл в горы.

— Такой же у как Аммалат-бек, батюшка?

Но Брызгалову было не до Аммалат-беков. Озабоченно он стал обходить крепость, высматривая, чтобы ему сделать там, где ещё можно было обойтись своими средствами.

Примечания

1

жена

[^^^]

ребенок

[^^^]

3

здесь — своё одиночество — фр.

[^^^]

4

Господь великий! Таких русских я ещё и не видел.

[^^^]

Князь Аргутинский

[^^^]

генерал Лазарев

[^^^]

судьба.

[^^^]

8

Музыка — А. Алябьев, слова — А.Бестужев-Марлинский.

[^^^]